СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 101.1:316.472
DOI: 10.25991/3033-604X.2025.23.47.008

Д. В. Полежаев*

О «РУССКОМ УМЕ» РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ИЛИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»

Аннотация: *Работа посвящена социально-философскому, историко-философскому и философско-историческому осмыслению феномена «русского ума», роли и месту российской интеллигенции в деле сохранения интеллектуально-культурного наследия российской цивилизации. В качестве методологической основы исследования автор рассматривает духовно-творческое наследие русской философии «золотого века», связанное с именами Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, П. А. Флоренского, Г. В. Флоровского и других отечественных мыслителей. Они обращали внимание на особенности духовно-интеллектуального самосознания русского народа и российской цивилизации в ее историческом протяжении и современном им понимании. Особое место в статье уделяется проблеме понимания исторического сознания субъекта социальной жизни. В качестве «опорной точки» используется интеллектуальное наследие русского философа Н. Ф. Федорова, который рассматривает историю как своего рода «проект», продолжающийся с учетом изменяющихся условий наличной действительности. Автор предлагает для осмысления в первом приближении понятие «интеллектуальная идентичность», существенно значимое для*

* Полежаев Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой педагогики и воспитательной деятельности Волгоградской государственной академии последипломного образования (Волгоград); polezh@mail.ru

Polezhaev Dmitry Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, and Head of the Department of Pedagogy and Educational Activities at the Volgograd State Academy of Postgraduate Education, Volgograd; polezh@mail.ru

понимания особенностей российского гражданского самосознания. Оно вполне убедительно помещается в содержательно-смысловом пространстве авторской социолого-образовательной модели «Матрица идентичности», направленной на практическое «измерение» результатов работы образовательных организаций по формированию общероссийской гражданской идентичности, в том числе в контексте понимания ее через призму актуализированной в последние годы социально-политической идеологемы под названием «Русский мир».

Abstract: *The work is devoted to the socio-philosophical, historical-philosophical and philosophical-historical understanding of the phenomenon of the "Russian mind", the role and place of the Russian intelligentsia in preserving the intellectual and cultural heritage of Russian civilization. As a methodological basis for the study, the author considers the spiritual and creative heritage of Russian philosophy of the "golden age", associated with the names of N. A. Berdyaev, V. V. Zenkovsky, I. A. Ilyin, N. O. Lossky, V. V. Rozanov, P. A. Florensky, G. V. Florovsky and other Russian thinkers. They drew attention to the features of the spiritual and intellectual self-awareness of the Russian people and Russian civilization in its historical course and contemporary understanding. A special place in the article is given to the problem of understanding the historical consciousness of the subject of social life. The intellectual heritage of the Russian philosopher N. F. Fedorov, who views history as a kind of «project» that continues taking into account the changing conditions of the current reality. The author offers for comprehension in the first approximation the concept of "intellectual identity", which is essentially significant for understanding the features of Russian civil self-consciousness. It is quite convincingly placed in the content-semantic space of the author's sociological-educational model "Identity Matrix", aimed at the practical "measurement" of the results of the work of educational organizations in the formation of an all-Russian civil identity, including in the context of understanding it through the prism of the socio-political ideologeme called "Russian World" that has been updated in recent years.*

Ключевые слова: *русская философия, социальная теория, цивилизация, русский менталитет, ментальные трансформации, общероссийская гражданская идентичность, «русский мир», идеология.*

Keywords: *Russian philosophy, social theory, civilization, Russian mentality, mental transformations, all-Russian civil identity, "Russian world", ideology.*

Интеллектуальный инфантилизм как социально-культурная проблема: вместо введения

Проблема интеллектуально-творческого самосознания русского народа, поднятая в статье, имеет множество различных аспектов понимания, связанных в том числе с историческими истоками такого достаточно часто выделяемого сегодня в практике воспитательной деятельности образовательных организаций феномена, как юношеский инфантилизм. В истории отечественной художественной литературы и общественно-научной мысли широко известны примеры социального, бытового, профессионального, политического и иного

рода проявлений феномена инфантилизма, своего рода «обломовщины», в том числе в сфере интеллектуального самосознания субъекта социальной жизни. Он проявляется и сегодня в повседневной российской действительности, в пространстве наличной культуры.

В настоящее время инфантилизм проявляется не только в «сбережении себя», охранении детей и молодежи от социальной, политической и иного рода активности и ответственности, о сбережении их и собственных сил, но часто и в новом ее проявлении — инфантильности *познавательной*. В этом смысле некоторые исследователи говорят о набирающем деятельностную актуальность феномене искусственного интеллекта, активность которого прирастает в повседневной жизни. И его нарастающая опасность — в плане поступательного «отъема» интеллектуальных функций у человека — нуждается сегодня в особом осмыслении и содержательном развертывании в современной философии и социально-гуманитарном знании в целом.

А для этого нам видится необходимым применение социально-философских, историко-философских и философско-исторических подходов к выделению и осмыслению интеллектуальных оснований российской общественно-политической жизни в ее прошлом, настоящем и будущем. Кроме этого, здесь необходимо обращение и к духовно-творческому наследию русской философии конца XIX — начала XX вв. — своего рода «золотого века» русской философии, мыслители которого тем или иным образом рассматривали различные вопросы становления и исторической динамики русского самосознания, русского национального менталитета, «русского ума».

Тема «русского ума» в отечественной общественно-политической мысли

Вопросы зарождения коллективного интеллекта, «ума народа» небезынтересны с точки зрения разнообразия часто противоречивых исследовательских трактовок. Так в контексте темы «русского ума» — как одной из глубинных ментальных основ феномена «русского мира» — видится небезынтересным замечание русского философа Н. А. Бердяева о том, что, по словам еще Петра Великого, «русский народ способен к науке и умственной деятельности, как все народы» [1, с. 27]. Это — отголосок своего рода интеллектуально-творческого противостояния России и Европы. Правда, здесь же он делает весьма существенное уточнение: «Только в XIX в. русские по-настоящему научились мыслить» [1, с. 27].

А размышляя о «русском мышлении», Н. А. Бердяев говорит прежде всего о духовности русской науки, подчеркивая «моральный по преимуществу склад русского мышления и религиозное беспокойство русского народа, склонного постоянно ставить проблемы религиозного характера» [1, с. 137]. Свойства русского ума, подмеченные философом, нам видится справедливым развернуть (в исследовательском смысле), прежде всего, в кросс-культурном контексте, в том числе в пространстве исторической темпоральности.

Идеи русского философа И. А. Ильина, направленные на определение цивилизационного своеобразия русского народа, в нашем понимании, также необходимо «обнимают» собой интеллектуальный «национально-русский» контекст общественно-исторического самосознания. Именно его размышления о «русском уме» выводят нас на понимание этого ума — в одном из его толкований — как «ума ученого», интеллектуального, «высочайшее» осуществление которого напрямую связано с духовным становлением / «самоконструированием» человека. Здесь он вполне органично дополняет приведенные нами выше рассуждения Н. А. Бердяева.

> «Настоящий ученый, — пишет И. А. Ильин, — прекрасно понимает, что “научная” картина мироздания *все время меняется* (курсив автора. — *Д. П.*), все осложняясь, углубляясь, уходя в детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства» [5, с. 101].

> «Настоящий ученый знает, — продолжает И. А. Ильин, — доколе простирается его знание, и потому он духовно скромен. <...> Настоящий ученый понимает все это и не переоценивает ни отвлеченную мысль, ни науку в целом. Вот почему он не верит в отвлеченные схемы и мертвые формулы и хранит в себе живое ощущение глубокого, таинственного и священного. Этим и объясняется то обстоятельство, что среди настоящих и великих ученых многие питали и питают живую веру в Бога» [5, с. 101–102].

Таков в понимании философа один из существенных аспектов национально-русского интеллектуального самосознания, достаточно тесно связанного с феноменом «русского ума» или духовно-историческими особенностями общероссийской гражданской идентичности.

Философские идеи отечественных мыслителей о «русском уме» дополняются рассуждениями русского философа и православного богослова В. В. Зеньковского, определявшего в определенном смысле историческую и философско-методологическую основу ментально-ценностного самоопределения личности в пространстве наличной культуры.

> «Если разум есть свет, — замечает он, — то можно сказать, что жизнь духа зарождается раньше этого света — в темноте и мраке души, в ее глубине; <...> ум есть вершина, а не корень духовной жизни» [4, с. 118].

Таким образом, мы видим, философ актуализирует необходимость определения и выбора сущностных оснований духовно-интеллектуального развития субъекта социальной действительности в историческом протяжении.

В качестве содержательно яркого примера характеристики русского ума В. В. Зеньковский приводит слова ученого-естествоиспытателя Н. И. Пирогова о том, что для нашего народа характерна «безостановочная работа ума,

не позволяющая застыть навсегда на каких-либо положениях. “На каждом шагу <...> мы встречаемся с тяготеющей над нами тайной, <...> (лишь) скрытой под научными именами”» [4, с. 187]. Соотношение формы и содержания — важнейший принцип осмысления феномена «русского ума» в его историческом протяжении. Видится справедливым воспринимать данную «формулу» отношения русского философа к русскому миру как проявление по-настоящему русского отношения к тому, что является незаметной и незаменимой частью повседневной жизни русского человека [20, с. 181–185], его системы ментальных установок, относительно устойчивых в историческом протяжении.

Идейно-интеллектуальное и духовное осмысление проблемы «русского ума» позволяет нам утверждать, что существуют интеллектуально-познавательные национально-психологические особенности различных наций, народов и этносов, которые в значительной степени определяют специфику интеллектуально-познавательной активности их представителей. То есть в каком-то смысле можно говорить о менталитете народа как о его коллективном (или социальном) интеллекте. И не только как о некоторых общих способностях мышления, но о возможности именно мышления социального, однонаправленного, «общего». На этом вопросе останавливал в свое время заинтересованное внимание известный русский ученый академик И. П. Павлов.

Обращаясь к проблеме русского ума, И. П. Павлов замечает, что собирается рассуждать о «довольно печальных вещах». Причем не потому, что сама тема русского национального ума, мышления представляется ему неубедительной, но прежде всего потому, что социальный контекст исследования подсказывает ему преимущественно негативные характеристики рассматриваемого феномена. В этом, с одной стороны, особого рода субъективность раскрытия темы, с другой — это контекстуальная объективность. И. П. Павлов рассматривает Октябрьскую революцию 1917 года в качестве одного из следствий русского национального ума, и об этом он предлагает задуматься интеллигенции, которую обозначает как «мозг родины».

Интеллигенция, в понимании И. П. Павлова, не имеет права в трагические минуты жизни страны на радость и веселье. Главной ее потребностью и обязанностью является охрана единственного оставшегося ей достоинства — смотреть на себя и на окружающую ее социальную реальность научно обоснованным образом, без самообмана. А потому наиболее важным для характеристики русского ума является осмысление его как ума научного, исследовательского. Вместе с тем, рассматривая, какие задачи преследует естественнонаучный ум и как он эти задачи достигает, можно определить назначение ума вообще и его основные свойства.

Главной задачей ума, по мнению исследователя, выступает правильное видение действительности, ясное и точное познание ее. И. П. Павлов подчеркивает, что «история шла вне научного влияния, она определялась работой *другого ума* (курсив наш. — *Д. П.*), и судьба государства от научного ума не зависит» [8, с. 109]. Это замечание также видится весьма интересным, поскольку

оно подчеркивает: не следует упускать из виду массового, жизненного ума народа, который и определяет судьбу народа, нации и государства. Но и этот ум, по мнению автора, следует разделить на две неравных составляющих: «ум низших масс» и «ум интеллигентский».

Все революции 1917 года, по мнению многих русских философов, были результатом умственной деятельности народа, и прежде всего интеллигенции. Это именно *ее интеллектуальная активность* привела весь российский народ в революцию, массы же восприняли то идейное, социальное движение, по которому их направляла революционная интеллигенция. И. П. Павлов говорит о настоятельной необходимости признать, что то, что произошло в России, «не есть случайность, а имеет свои осязательные причины, и эти причины лежат в нас самих, в наших свойствах» [8, с. 110]. В нашем понимании, речь идет прежде всего об общих ментальных характеристиках русского народа, поэтому исследователю следует обратиться к уму интеллигентскому с тем, чтобы определить, насколько в нем сформированы свойства и приемы, необходимые для его практической работы и плодотворного органичного воплощения.

Первое из свойств ума, установленных исследователем, — чрезвычайное сосредоточение мысли, стремление этой мысли «безотступно» думать, устойчиво держаться на том вопросе, который намечен для разрешения — держаться дни, недели, месяцы, годы, а в иных случаях и всю жизнь. Как в этом отношении обстоит дело с русским умом? И. П. Павлов замечает, что «мы не наклонны к сосредоточенности, не любим ее, мы даже к ней отрицательно относимся» [8, с. 111]. Общие — признанные в исследовательской среде — параметры интеллектуальной активности формируются, утверждает И. П. Павлов, особым сочетанием таких характеристик, как степень приверженности логике, широта и глубина абстрагирования, скорость мыслительных операций, организация мыслительной деятельности и др. И тут уже речь необходимо идет об устойчивых культурно-исторических характеристиках феномена «русского ума», выступающих в качестве глубинных ментальных оснований современного российского общества и «Русского мира». Последний феномен / понятие / формула самоопределения в нашем понимании выступает, как исторически необходимая идеологема / мифологема и как социально-культурный ориентир / модель становления современного российского общественно-исторического сознания и общероссийской гражданской идентичности.

Феномен исторического сознания, или Понимание истории — как «проекта» (из философии Н. Ф. Федорова)

Феномен «русского ума» в сопряжении с феноменами «русской интеллигенции», «русского народа» и «Русского мира» может быть вполне убедительно осмыслен через призму исторического сознания / самосознания субъекта социальной жизни, эпохи, цивилизации. Становление исторического сознания у нового поколения россиян предполагает активное участие в этом процессе

многих заинтересованных сторон; и данный тезис лежит в основе субъектного к осмыслению особенностей взаимодействия общества и человека. В этом контексте в значительной степени интересны историософские мысли, выстроенные в отношении феномена исторического сознания, предложенные в свое время русским философом Н. Ф. Федоровым.

Вообще вопросы, рассматриваемые этим оригинальным мыслителем в его «Философии общего дела» и множестве статей — предложенные им для осмысления или только обозначенные в том или ином ключе, — в большинстве своем, на наш взгляд, тесно связаны именно с проблемой *исторического сознания* народа и отдельного индивида, его генезиса, становления и функционирования.

Н. Ф. Федоров рассматривает историю как «проект», раскрывая в последующем изложении свои представления о проекте воскрешения, которое он обозначает в качестве итога человеческой истории и в качестве основной цели существования мира и человека. Весьма важной здесь, на наш взгляд, является его мысль о конечности человеческой истории в ее проектном осмыслении. Проектное измерение истории глобально, тотально и, по всей видимости, конечно для любого сопричастника истории. Своего рода «субпроекты» в мировой и отечественной истории зависят во многом от субъектного мироощущения — отдельного индивида, социальной группы, народа, цивилизации, от их интеллектуально-культурных особенностей. Это подмечает Н. Ф. Федоров: «История есть всегда воскрешение, а не суд, так как предмет истории не живущие, а умершие» [21, с. 171]. Это примечательное утверждение философа, прямо связанное с одной из ведущих идей его теории «воскрешения мертвых», поддерживает мысль о мощном воспитательном потенциале российской истории, при необходимости временно́го соотношения воспитательных возможностей семьи, общества и государства в различные исторические эпохи, о достаточном для воспроизводства в историческом протяжении глубинно-психологическом потенциале менталитета народа.

Достоинство современных поколений, утверждает Н. Ф. Федоров, заключается в том, чтобы, опираясь на историю предков, продолжать заданное ими историческое движение, «проект жизни»: «истинный культ предков не в славе, а в деле» [21, с. 171]. Поднимая на щит многие великие и часто неповторимые достижения нашего исторического прошлого, надо не «консервировать» их для пустого и неплодотворного восхваления, а развивать — с учетом изменившихся исторических условий, потребностей, императивов и запретов, — именно в этом случае они получат новую жизнь.

Однако субъектность в истории (понимаемая не только как активная сопричастность событиям прошлого, но и как активное и ответственное их восприятие, фиксирование и транслирование) предполагает в том числе понимание того, что даже живущие в одном поколении люди, пережившие и переживающие одни и те же события, воспринимают, ощущают и понимают их *по-разному*. К слову, что же тогда говорить о восприятии событий, «отодвинутых» от нас в истории на многие десятки, сотни или тысячи лет?.. В контексте основной

темы настоящей статьи видится небезынтересным утверждение Н. Ф. Федорова о том, что история вообще может быть разной для разных людей в зависимости от их интеллектуального развития, эмоционального склада или развитости воображения. И это вновь, пусть косвенно, подводит нас к осмыслению феномена российской интеллигенции в ее прошлом и настоящем.

Проблема русской интеллигенции в историческом, культурологическом и философском «измерении»

Российская интеллигенция традиционно рассматривается в отечественной общественно-политической мысли и социально-гуманитарном знании в качестве «хранителя», творчески развивающего национальные русские идеи и смыслы [10, с. 194–203]. Но основным ядром противоречия и одновременно стимулом развития русской мысли выступает идея о своего рода противостоянии интеллигенции и «остального народа» России.

В. В. Зеньковский раскрывает проблему культурно-исторического соотношения интеллигенции и народа через характеристику общего настроения в русских кружках, которое

> «...определялось, — по его словам, — сознанием “неоплатного долга перед народом”. Это было общее в русских кружках того времени настроение “кающегося дворянина” <...> Чуткая молодежь вбирала в себя сознание этого долга перед народом, и отсюда родилось “хождение в народ”, страстная жажда отдать свои силы на служение народу» [4, с. 148].

И это был один из актов социального сопряжения этих различных в культурно-историческом плане слоев общества.

Русский философ Н. О. Лосский говорил о духовном, своего рода ментальном, преимущественно религиозном, разрыве русской интеллигенции и русского народа в истории, как о «формальной религиозности», то есть страстном и фанатичном стремлении

> «...осуществить Царство Божие на земле, без Бога... Правительственные преследования вызвали в революционной интеллигенции “самочувствие мученичества и исповедничества”, а насильственная оторванность от жизни развила “мечтательный утопизм”, вообще недостаточное чувство действительности» [7, с. 17–18].

Интеллектуальные «столпы» / акты российской философской мысли, по признанию ряда представителей нашего российского философского сообщества, — в исторически значимых изданиях начала XX века — сборниках «Вехи» и «Из глубины». Приведенные в них небезынтересные размышления отечественных мыслителей своего рода «золотого века» русской философии [9] о смыслах, целях и ценностях российской цивилизации — через призму

интеллигентского мировоззрения — видятся актуальными для современного осмысления исследовательской проблемы «русского ума» и ее относительно успешного решения в пространстве наличной культуры.

Так, М. О. Гершензон достаточно объемно представляет читателю определенного рода «интеллигентский страх» своего класса / социального слоя / страты, по его выражению, «между нами и нашим народом»: «Он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, <...> тем глубже ненавидит, что мы свои» [3, с. 128–129]. Приведенная точка зрения, конечно, заслуживает внимания. При этом она не представляется однозначной при осмыслении такой многоаспектной проблемы, как социальное взаимодействие интеллигенции и народа (и, возможно, иных социальных страт), в особенности выстроенное лишь на основе своеобразия их языковой детерминации и стратификации, которая справедливо может рассматриваться как структурно-содержательный компонент интеллектуальной самоидентификации индивида.

В контексте ментально-ценностного осмысления феномена «русского ума» важно подчеркнуть множественность проявления этой извечной и исконно русской проблеме взаимодействия и противостояния интеллигенции и народа. Об этом писал также и Н. А. Бердяев, замечая:

> «Интеллигенция и была раздавлена между двумя силами — силой царской власти и силой народной стихии. Народная стихия представлялась интеллигенции таинственной силой. Она противополагала себя народу, чувствовала свою вину перед народом и хотела служить народу» [1, с. 38].

Кроме того, у Н. А. Бердяева встречаются достаточно пространные и интересные рассуждения о русской интеллигенции вообще, вот некоторые из них:

> «Первым культурным свободолюбивым человеком в России был масон и декабрист, но он не был еще самостоятельно мыслящим... Не был еще интеллигентом Пушкин, величайшее явление русской творческой гениальности первой трети века, создатель русского языка и литературы... Интеллигенция вербуется из разных социальных слоев, она была сначала по преимуществу дворянской, потом разночинной... Родоначальником русской интеллигенции был Радищев, он предвосхитил и определил ее основные черты. Когда Радищев в своем “Путешествии из Петербурга в Москву” написал слова: “Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала”, — русская интеллигенция родилась...» [1, с. 32–37].

В этих рассуждениях философа об историческом противостоянии интеллигенции / интеллектуалов и народа нам также видится очень важная в ментальном отношении характеристика феномена «русского ума» — как бинарного

явления. Например, Б. А. Кистяковский, опровергая западные представления о русской «недоразвитости», о том, что «русский народ встал чересчур поздно на исторический путь, что нам незачем самостоятельно вырабатывать идеи...» [6, с. 145], вместе с тем замечает в качестве примера:

> «Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституции, государства, <...> одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах» [6, с. 146–147].

Таким образом, подчеркивается «неидентичное устройство» политики, экономики, культуры, образования, науки и других сфер социальной жизни / культурно-исторических цивилизационных констант, в той или иной степени полноценно осуществляющихся в различных социально-культурных, национально-региональных, природно-географических пространствах.

Приведенные нами размышления отечественных мыслителей «золотого века» русской философии видятся актуальными как в исследовательском — социально-философском и философско-историческом смысле, так и в плане праксеологического освоения и утверждения механизмов действительного «измерения» феномена общероссийской гражданской идентичности, понимаемой как основа «Русского мира». Это отслеживание идентификационных культурно-исторических констант в сознании и поведении новых поколений граждан России мы предлагаем осуществлять посредством социолого-образовательной модели «Матрица идентичности» [15, с. 9–16], работа над которой необходимо продолжается в силу насущной потребности такого «механизма» в образовательных организациях — для получения полноценных данных о результатах воспитательной работы.

Понятно, что приведенные нами примеры не могут в полной мере исчерпать всего социально-философского содержания проблемы «интеллектуальной идентичности». Здесь видится необходимым также обращение к социально-философскому и социально-психологическому ряду европейских мыслителей — М. Коулу, Г. Лебону, Г. Тарду и другим, занимавшимся вопросами социальной детерминации феноменов народа, нации, национальности, культуры, цивилизации через призму умственных / мыслительных характеристик их носителей.

Вместе с тем обозначенные в статье некоторые концептуально значимые идеи отечественных мыслителей могут рассматриваться в качестве философско-методологической опоры понимания проблемы «русского ума» и интеллекта в пространстве современного российского философского и в целом социально-гуманитарного знания. Возможно, именно поэтому они находят свое уверенное, пусть и своеобразное, отражение в работах отечественных философов [16, с. 53–63; 19, с. 5–14], представляющих авторское понимание сущностных оснований русской общественно-политической и философской мысли, народной самобытности и современного общероссийского гражданского самосознания.

Особенности понимания «интеллектуальной идентичности» как культурно-исторического феномена: вместо заключения

В рамках предлагаемой нами для измерения глубинных оснований самоидентификации субъекта социальной жизни социолого-образовательной модели «Матрица идентичности» может быть выделено — в качестве одного из аспектов ценностно-смыслового самоосуществления общества, социальной группы или индивида — и пространство духовно-интеллектуального самосознания. Феномен «русского ума» сегодня справедливо рассматривать как глубинно-психическое / ментальное основание феномена «Русского мира», который из исторической мифологемы и идеологемы русской цивилизации, устойчивой в пространстве исторической темпоральности, государственно-общественными усилиями может стать основой гражданского становления нашего Отечества.

Феномен «Русского мира» как открытый в структурно-содержательном отношении для инновационных включений заслуживает продолжительного и углубленного исследования. Также как и вопросы самоосуществления человека с учетом социально-культурной и политико-идеологической динамики, которые нуждаются в дальнейшем аспектном социально-философском и философско-образовательном осмыслении, с вычленением в процессе анализа традиционных и новых участников / акторов социально-политической жизни и культурно-исторического бытия.

Инфантилизм мышления, коллективного и индивидуального «ума» видится нам недопустимым в социально-культурном пространстве современной российской цивилизации. Думающее (в том числе не-прагматически мыслящее) поколение должно стать основой дальнейшего интеллектуально-творческого развития страны — российского государства, общества, культуры, цивилизации, «Русского мира» — и продолжением идей великого творческого наследия мыслителей «золотого века» русской философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н. А.* Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание. М.; Харьков: Эксмо-Пресс, Фолио, 1998. С. 11–248.

2. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории // Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. С. 477–875.

3. *Гершензон М. О.* Творчекское самосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. СПб.: Азбука Аттикус, Авалонъ, 2011. С. 103–139.

4. *Зеньковский В. В.* История русской философии. В 2-х тт. Т. 1. Ч. 2. Л.: ЭГО, 1991. 280 с.

5. *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Эксмо-Пресс, 1998. С. 81–332.

6. *Кистяковский Б. А.* В защиту права // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. СПб.: Азбука Аттикус, Авалонъ, 2011. С. 140–182.

7. *Лосский Н. О.* Характер русского народа. Репр. воспроизведение изд. 1957 г. М.: Ключ, 1990. Кн. 1. 64 с.

8. *Павлов И. П.* О русском уме // Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. С. 107–125.

9. *Полежаев Д. В.* Идея менталитета в русской философии «золотого века»: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 360 с.

10. *Полежаев Д. В.* К вопросу о русской интеллигенции: попытка социально-философского осмысления // Феномен российской интеллигенции. История и психология: матер. Межд. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака, Е. Г. Соколова, Л. Б. Борисковской, Т. В. Партаненко. СПб.: Нестор, 2000. С. 194–203.

11. *Полежаев Д. В.* Личность и тоталитаризм: ментальные трансформации: монография. М.: Планета, 2018. 208 с.

12. *Полежаев Д. В.* Национальный образ народа в философии Н. Бердяева и Ф. Ницше (в контексте исследования ментальных феноменов) // Открытое общество и устойчивое развитие: местные проблемы и решения. Вып. XI. М.: Изд-во МГИДА, 2002. С. 99–108.

13. *Полежаев Д. В.* Особенности русского национального ума (И. П. Павлов о русской интеллигенции) // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития: матер. науч. конф. (28–30 мая 2004 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 304–306.

14. *Полежаев Д. В.* Русский менталитет: социально-философское осмысление: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 370 с.

15. *Полежаев Д. В.* Социологические аспекты «Матрицы идентичности»: структурно-функциональные особенности и ценностно-смысловые константы // Primo Aspectu. 2023. № 3 (55). С. 9–16.

16. *Полежаев Д. В.* Экофилософские аспекты русского исторического сознания (заметки экооптимиста) // Вестник Российского философского общества. 2023. Вып. 3–4 (105–106). М.: РФО, 2024. С. 53–63.

17. *Резник Ю. М.* Об основаниях философских стратегий в современной России: западные рецепции и собственные цивилизационные ориентиры // Вестник российского философского общества. 2023. Вып. 1–2 (103–104). С. 5–32.

18. *Резник Ю. М.* Философская элита в современной России: на пути к консолидации // Вестник российского философского общества. 2023. Вып. 1–2 (103–104). С. 5–47.

19. *Резник Ю. М.* Человек и его цивилизационная идентичность (введение) // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2018. Т. 10. № 1. С. 5–14.

20. *Сабиров А. Г., Сабирова Л. А.* Цивилизационный фактор формирования и развития ментальности русского человека // Современные проблемы цивилизации устойчивого развития в информационном обществе: сб. матер. II Межд. науч.-практ. конф. Махачкала, 2021. С. 181–185.

21. *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. 750 с. (Сер. «Антология мысли»).

REFERENCES

1. Berdyaev, N. A. Russkaya ideya [The Russian Idea]. In: Berdyaev, N. A. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moskow; Har'kov: ZAO Press EKSMO-Press; Press "Folio", 1998, pp. 11–248 (in Russian).

2. Gegel', G.V.F. Lekcii po filosofii istorii [Lectures on the Philosophy of History]. In: Gegel', G.V.F. *Fenomenologiya duha. Filosofiya istorii* [Phenomenology of Spirit. Philosophy of History] Moskow, Eksmo, 2007, pp. 477–875 (in Russian).

3. Gershenzon, M. O. Tvorchekskoe samosoznanie [Creative Self-Consciousness]. In: *Vekhi: sbornik statej o russkoj intelligencii* [Vekhi: A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia]. Saint Petersburg, Azbuka Attikus, Avalon, 2011, pp. 103–139 (in Russian).

4. Zen'kovskij, V. V. *Istoriya russkoj filosofii.* V 2 tomach. Tom 1. Chast' 2 [History of Russian Philosophy. In 2 volumes. Vol. 1. Part 2]. Leningrad, EGO, 1991. 280 p. (in Russian).

5. Il'in, I. A. Put' duhovnogo obnovleniya [The Path of Spiritual Renewal]. In: Il'in, I. A. *Put' k ochevidnosti* [The Path to Obviousness: Essays]. Moskow, ZAO Press EKSMO-press, 1998, pp. 81–332. (in Russian).

6. Kistyakovskij, B. A. V zashchitu prava [In Defense of the Right]. In: *Vekhi: sbornik statej o russkoj intel-ligencii* [Vekhi: A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia]. Saint Petersburg, Azbuka Attikus, Avalon", 2011, pp. 140–182 (in Russian).

7. Losskij, N. O. *Harakter russkogo naroda. Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1957 goda* [The Character of the Russian People. Reprint of the 1957 edition]. Moskow, Klyuch, 1990, kn. 1. 64 p. (in Russian).

8. Pavlov, I. P. O russkom ume [On the Russian Mind]. In: Pavlov, I. P. Refleks svobody [The Reflex of Freedom]. Saint Petersburg, Piter, 2001, pp. 107–125 (in Russian).

9. Polezhaev, D. V. *Ideya mentaliteta v russkoj filosofii "zolotogo veka": monografiya* [The Idea of Mentality in Russian Philosophy of the Golden Age: A Monograph]. Volgograd, Press VolGU, 2003. 360 p. (in Russian).

10. Polezhaev, D. V. K voprosu o russkoj intelligencii: popytka social'no-filosofskogo osmysleniya [On the Russian Intelligentsia: An Attempt at Social and Philosophical Understanding]. In: *Fenomen rossijskoj intelligencii. Istoriya i psiho-logiya: mater. Mezhd. nauch. konferencii* [The Phenomenon of the Russian Intelligentsia. History and Psychology: Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, Nestor, 2000, pp. 194–203 (in Russian).

11. Polezhaev, D. V. *Lichnost' i totalitarizm: mental'nye transformacii: monografiya* [Personality and Totalitarianism: Mental Transformations: Monograph] Moskow, Planeta, 2018. 208 p. (in Russian).

12. Polezhaev, D. V. Nacional'nyj obraz naroda v filosofii N. Berdyaeva i F. Nicshe (v kontekste issledovaniya mental'nyh fenomenov) [The National Image of the People in the Philosophy of N. Berdyaev and F. Nietzsche (in the Context of the Study of Mental Phenomena)]. In: *Otkrytoe obshchestvo i ustojchivoe razvitie: mestnye problemy i resheniya* [Open Society and Sustainable Development: Local Problems and Solutions. Issue XI] Vol. XI. Moskow, Press MGIDA, 2002, pp. 99–108 (in Russian).

13. Polezhaev, D. V. Osobennosti russkogo nacional'nogo uma (I. P. Pavlov o russkoj intelligencii) [Features of the Russian National Mind (I. P. Pavlov on the Russian Intelligentsia)]. In: *Intelligenciya Rossii i Zapada v XX–XXI vv.: vybor i re-alizaciya putej obshchestvennogo razvitiya: mater. nauchnoj konferencii (28–30 maya 2004 goda)* [The Intelligentsia of Russia and the West in the 20th and 21st Centuries: Choosing and Implementing Paths of Social Development: Materials of the Scientific Conference (May 28–30, 2004)] Ekaterinburg, Press Ural'skogo universiteta, 2004, pp. 304–306 (in Russian).

14. *Polezhaev, D. V. Russkij mentalitet: social'no-filosofskoe osmyslenie: monografiya;* VGIPK RO [Russian Mentality: A Socio-Philosophical Analysis.] Volgograd, Press VolGU, 2007. 370 p. (in Russian).

15. Polezhaev, D. V. Sociologicheskie aspekty "Matricy identichnosti": struk-turno-funkcional'nye osobennosti i cennostno-smyslovye konstanty [Sociological Aspects of the "Identity Matrix": Structural and Functional Features and Value-Meaning Constants]. In: *Primo Aspectu,* 2023, no. 3 (55), pp. 9–16 (in Russian).

16. Polezhaev, D. V. Ekofilosofskie aspekty russkogo istoricheskogo soznaniya (zametki ekooptimista) [Ecophilosophical Aspects of Russian Historical Consciousness (Notes of an Eco-Optimist)]. In: *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva,* 2023, vol. 3–4 (105–106). Moskow, RFO, 2024, pp. 53–63 (in Russian).

17. Reznik, Yu. M. Ob osnovaniyah filosofskih strategij v sovremennoj Rossii: zapadnye recepcii i sobstvennye civilizacionnye orientiry [On the Foundations of Philosophical Strategies in Modern Russia: Western Receptions and Own Civilizational Guidelines]. In: *Vestnik rossijskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 2023, vol. 1–2 (103–104), pp. 5–32 (in Russian).

18. Reznik, Yu. M. Filosofskaya elita v sovremennoj Rossii: na puti k konsolidacii [The Philosophical Elite in Modern Russia: Towards Consolidation]. In: *Vestnik rossijskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 2023, vol. 1–2 (103–104), pp. 5–47 (in Russian).

19. Reznik, Yu. M. Chelovek i ego civilizacionnaya identichnost' (vvedenie) [Man and His Civilizational Identity (Introduction)]. In: *Voprosy social'noj teorii: nauchnyj al'manah* [Issues of Social Theory: Scientific Almanac], 2018, vol. 10, no. 1, pp. 5–14 (in Russian).

20. Sabirov, A. G., Sabirova, L. A. Civilizacionnyj faktor formirovaniya i razvitiya mental'nosti russkogo cheloveka [The Civilizational Factor in the Formation and Development of the Russian Man's Mentality]. In: *Sovremennye problemy civilizacii ustojchivogo razvitiya v informacionnom obshchestve: sbornik matererialov Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Modern Problems of Sustainable Development in the Information Society: Collection of Materials from the II International Scientific and Practical Conference. Makhachkala]. Mahachkala, 2021, pp. 181–185 (in Russian).

21. Fyodorov, N. F. *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of the Common Cause]. Moskow, Eksmo, 2008, 750 p. (in Russian).